

А. Ю. Домбровская, Е. В. Бродовская

**КОГНИТИВНЫЕ КАРТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКОВ
КОНСОЛИДИРУЮЩЕЙ И ДЕКОНСОЛИДИРУЮЩЕЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
В РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА
(2023–2024 ГОДЫ)**

ДОМБРОВСКАЯ¹

Анна Юрьевна

aydombrovskaya@fa.ru;
ORCID 0000-0002-2015-2349,
SPIN-код: 7644-3624,
AuthorID: 768923,

доктор социологических
наук, профессор

БРОДОВСКАЯ¹

Елена Викторовна

brodovskaya@inbox.ru;
ORCID 0000-0001-5549-8107,
SPIN-код 7357-6187,
AuthorID: 280399,

доктор политических наук,
профессор

¹ Финансовый университет
при Правительстве РФ,
Центр политических исследо-
ваний, Институт гума-
нитарных технологий и
социального инжиниринга,
адрес: 125993, Российская
Федерация, г. Москва,
ГСП-3, Ленинградский про-
спект, 49

Аннотация. Актуальность заявленной темы продиктована всё нарастающим информационным и военным противостоянием РФ и Запада и необходимостью в этих условиях мониторинга уровня общественной консолидированности, во многом зависящей от социально-медийного сопровождения солидаризирующего воздействия на российский социум.

Цель исследования – выявить ключевые характеристики когнитивных карт информационных потоков, репрезентирующих установки на консолидацию и деkonsолидацию российского общества.

Задачами анализа служат идентификация контекстов, триггеров, дискурсов, целевых аудиторий, акторов, технологий формирования общественных установок, определение пула акторов и авторов консолидационного и деkonsолидационного контента российского сегмента социальных медиа.

К числу характеристик консолидационного потока отнесены паттерны использования коллективной безопасности как основания солидарности, сохранения ценностного консенсуса, позитивной национально-государственной идентичности, сохранение суверенитета как базовой ценности.

Признаки деkonsолидационных потоков – эксплуатация социальной депривации для подрыва общественного доверия власти, обесценивание значимости независимости и государственного суверенитета, инструктивное, иррациональное и манипуляционное воздействие на общественное мнение.

В заключении в качестве одного из результатов исследования представлены меры по информационному сопровождению консолидационной работы в социальных медиа.

Ключевые слова: консолидация, деkonsолидация, социальные медиа, когнитивная карта информационных потоков, интернет-коммуникация, информационный менеджмент

Информация о финансировании: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

Цит.: Домбровская А.Ю., Бродовская Е.В. Когнитивные карты информационных потоков консолидирующей и деkonsолидирующей направленности в российских социальных медиа (2023–2024 годы) // Среднерусский вестник общественных наук. – 2024. – Том 19. – № 3. – С. 155–176. – <https://doi: 10.22394/2071-2367-2024-19-3-155-176>. – EDN: FJUANO.

© Домбровская А.Ю., Бродовская Е.В., 2024 г.

Anna Y. Dombrovskaya, Elena V. Brodovskaya

**COGNITIVE MAPS OF INFORMATION FLOWS OF CONSOLIDATED AND
DECONSOLIDATED DIRECTIONS IN RUSSIAN SOCIAL MEDIA
(2023-2024)**

About the author:

Anna Y. Dombrovskaya¹,
aydombrovskaya@fa.ru
ORCID 0000-0002-2015-2349
SPIN-код: 7644-3624
AuthorID: 768923

Doctor of Sociological
Sciences, Chief Researcher
at the Center for Political
Research, Institute of Hu-
manitarian Technologies
and Social Engineering

Elena V. Brodovskaya¹,
brodovskaya@inbox.ru
ORCID 0000-0001-5549-8107
SPIN-код 7357-6187,
AuthorID: 280399

Doctor of Political Sciences,
Chief Researcher at the
Center for Political Re-
search, Institute of Hu-
manitarian Technologies
and Social Engineering

¹Financial University un-
der the Government of the
Russian Federation
(Russian Federation,
Moscow)

Abstract.

The relevance of the stated topic is dictated by the increasing information and military confrontation between the Russian Federation and the West and the need in these conditions to monitor the level of social consolidation, which largely depends on the social and media support of the solidarity effect on Russian society.

The purpose of the study is to identify the key characteristics of cognitive maps of information flows representing attitudes towards consolidation and deconsolidation of Russian society.

The objectives of the analysis are to identify contexts, triggers, discourses, target audiences, actors, technologies for the formation of public attitudes, to determine the pool of actors and authors of consolidation and deconsolidation content of the Russian segment of social media.

The characteristics of the consolidation flow include patterns of using collective security as a basis for solidarity, maintaining a value consensus, positive national-state identity, and maintaining sovereignty as a basic value.

Signs of deconsolidation flows are the exploitation of social deprivation to undermine public trust in the authorities, devaluation of the importance of independence and state sovereignty, instructional, irrational, and manipulative influence on public opinion. In conclusion, as one of the results of the study, measures for information support of consolidation work in social media are presented

Keywords: consolidation, deconsolidation, social media, cognitive map of information flows, Internet communication, information management

Funding information: The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation

For citations: Dombrovskaya, A.Y., Brodovskaya, E. V. (2024) cognitive maps of information flows of consolidated and deconsolidated directions in russian social media (2023-2024). Central Russian Journal of Social Sciences. Volume 19, no.3, p.155-176. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2024-19-3-155-176>. EDN: FJUANO

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы

В условиях противостояния со странами коллективного Запада одна из наиболее значимых линий фронта проведена в ценностно-мировоззренческой сфере. Сила государства и его способность к противостоянию внешнему противнику во многом предопределяется внутренней консолидированностью общества. Следует признать, что наряду с социальными медиа, ориентированными на принятие ценностного консенсуса, объединение российской нации вокруг задач сохранения суверенитета и следования национальным интересам, в онлайн-среде наблюдаются противоположные по смыслу потоки, нацеленные на стимулирование социального раскола, подрыва доверия власти, роста общественной напряженности. Настоящее исследование направлено на эмпирический анализ контекстов, дискурсов, триггеров, технологий воздействия, целевых аудиторий социально-медийных потоков консолидационного и деконсолидационного толка. Знание основных смысловых и технологических приемов цифровых акторов деконсолидации позволит разработать систему способов преодоления их негативных социально-политических эффектов.

Теоретическая основа исследования. Разработка матрицы когнитивного картирования основывалась на ключевых трудах о консолидации и смежном по смыслу и сути понятии социальной солидарности Э. Дюркгейма [Дюркгейм, 1990] (социальная солидарность – общность общественного сознания), Ф. Хайека [Хайек, 2006] (солидарность и консолидация как условия устойчивой организации структуры общества), Дж. Сартори [Сартори, 1992] (ценностный консенсус как высшая стадия общественной консолидации. Консолидирующие потоки в настоящем исследовании рассматриваются в системе факторов формирования согласия в обществе в отношении базовых принципов, целей и ценностей жизни социума), П. Сорокина [Sorokin, 2002] (консолидация как «социальная связность» и социальный порядок), Т. Парсонса [Парсонс, 1993] (основа солидарности – общность ценностей и правил, формируемых в процессе социализации), Д. Хэкторна [Heckathorn, 1991] (солидарность как производная групповых норм), П. Бергера и Т. Лукмана [Бергер, 1995] (солидарность – социальный конструкт общностей). Теоретический фундамент исследования также содержит теорию социальной мобилизации и политического развития К. В. Дойча [Deutsch, 1961]. Данная теория важна с точки

зрения анализа результатов деятельности цифровых политических акторов, формирующих информационные потоки консолидирующего и деконсолидирующего толка. Для операционализации информационных потоков, нацеленных на консолидацию и деконсолидацию российского общества, как части политических потоков применена модель «политических потоков» Дж. Кингдома [Lenz, 2016]. Три составные части этой модели включены в состав переменных предмета анализа. За «проблемный поток» (термин Дж. Кингдома) отвечают такие индикаторы матрицы когнитивного картирования, как контексты и дискурсы релевантных потоков. Вторая составляющая потоков, по Дж. Кингдому, – «сообщество» исследователей, консультантов и других специалистов, анализирующих проблемы и формулирующих различные альтернативы, – представлена переменной авторов изучаемых информационных потоков. «Политический поток» (по Дж. Кингдому) как составная часть исследуемых информационных потоков репрезентирована технологиями ценностного воздействия в структуре переменных матрицы когнитивного картирования.

Методология исследования основана на базовых положениях и принципах таких подходов, как сетевой подход, дискурсивно-психологическая версия социального конструктивизма и когнитивный подход. Когнитивное картирование контента социальных медиа, отражающих дискурсы консолидации и деконсолидации, применялось для сбора релевантных фактических данных. Построение матрицы основывалось на положениях операционализации релевантных понятий А. М. Кучиновым [Кучинов, 2023], Л. В. Гузаа [Гузаа, 2021], Л. Е. Ильичевой и соавторами [Ильичева, 2022], Е. В. Реутовым и соавторами [Реутов, 2016], А. В. Брегой и Д. Д. Осининой [Брега, 2022], М. Р. Кармовой и О. И. Максимовой [Кармова, 2022, 2023].

Выборочная совокупность пабликов, сообществ, каналов – эмпирических объектов исследования сформирована из трех наиболее популярных социально-медийных платформ РФ: Telegram, «ВКонтакте» и «Одноклассники» (всего отобрано 100 сообществ). После первичного анализа контента этих сообществ отобрано 60 сообществ (по 30 – солидаризирующего и десолитаризирующего характера), являющихся наиболее влиятельными и релевантными предметному полю исследования (см. пул пабликов и аккаунтов). Объем исследовательских единиц – 800 документов (400 – по консолидирующему контенту, 400 – по деконсолидирующему).

Отбор конкретных документов для внесения в базу данных осуществляется с использованием целевой выборки и с учетом хронологической репрезентации материалов: глубина отбора – 12 месяцев (1 апреля 2023 года – 1 апреля 2024 года). Целевому отбору подлежат документы, датированные срединной неделей (по одному документу каждого дня этой срединной недели) срединного месяца каждого квартала, критерии релевантности – наличие возможности идентифицировать характеристики документа в соответствии с матрицей когнитивного картирования (содержательные, включающие понятные смыслы и согласующиеся с темой исследования материалы).

Переменными когнитивного картирования служили контексты, триггеры, дискурсы, целевые аудитории, акторы, технологии формирования общественных установок, акторы и авторы консолидационного и деконсолидационного контента российского сегмента социальных медиа.

Результаты исследования

В трети (32,5 %) проанализированного контента консолидационных потоков фундаментом достижения солидарности служит идейная и ценностная сплоченность вокруг армии и национальной безопасности российского общества. Наличие общего внешнего врага представлено в 13,9 % изученных документов консолидационного потока. Призыв к объединению усилий в борьбе за национальный суверенитет отражен в 14,9 % сообщений данного массива. 15,1 % постов связывают базу консолидации с общностью судьбы, исторической памятью. Культура и язык как основы солидаризации представлены совокупно в 10,7 % документов анализируемого потока.

В потоке деконсолидационного толка около трети всего контента (28,2 %) ориентировано на отрицательную национально-государственную идентичность, Замысел цифровых акторов очевиден – негативизация идентичности гражданина, формирование деконсолидационных настроений, деструктивной ориентации в отношении текущего курса страны.

Ведущее основание деконсолидации – нацеленность на делегитимизацию государственных институтов и представителей государственной власти (73,1 %) (см. рис. 1). В этом случае происходит эксплуатация социальной депривированности части населения. Подтверждение тому – тот факт, что более половины (56 %) делегитимизирующих власть постов таргетированы на социально уязвимые группы россиян.

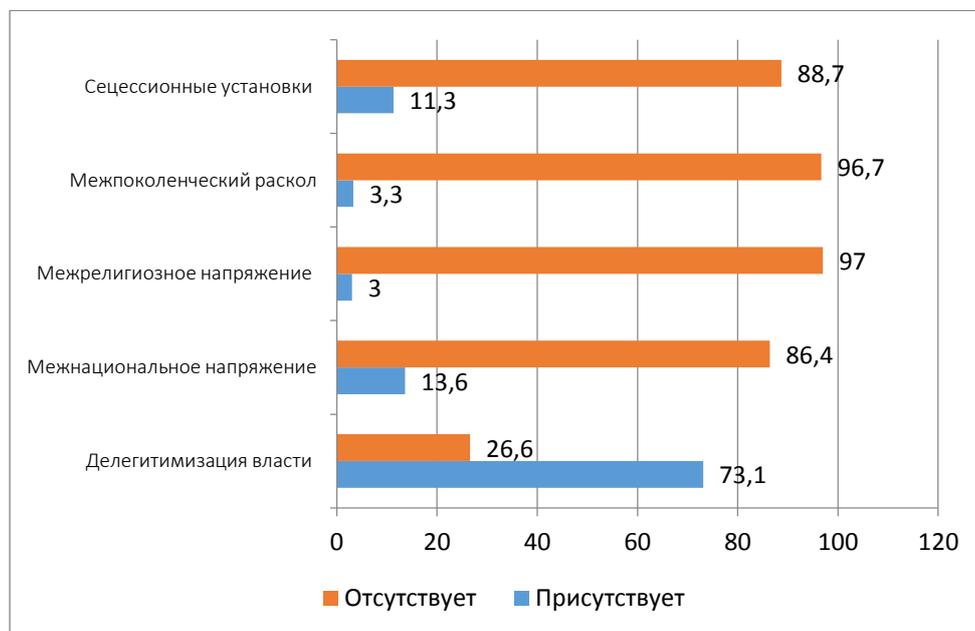

Рисунок 1 – Представленность маркеров – оснований деконсолидации в информационных потоках, %

Figure 1 – Representation of markers – grounds for deconsolidation in information flows, %.

Межнациональное напряжение выявлено в 13,6 % проанализированного потока, межрелигиозный раскол – в 3,0 % сообщений, примерно с такой же интенсивностью разыгрывается карта межпоколенческого раскола – 3,3 % (см. рис. 1).

Маркер сецессионных установок (11,3 %) применяется наиболее интенсивно в национальных республиках. В целях сецессионной мобилизации применяются дискурсы необходимости «деколониализации» России, исторические фобии и угрозы депортации народов, населения отдельных регионов, риск репрессий, политических ограничений народов, населения отдельных регионов, значимость борьбы за языковую, религиозную, культурную автономию регионов, важность преодоления экономических ограничений и дефицитов субъектов относительно федерального центра.

Близкий к проанализированной переменной параметр – наличие в консолидирующих потоках маркеров ценностного консенсуса, общей идентичности и суверенитета как базовой ценности нации (см. рис. 2).

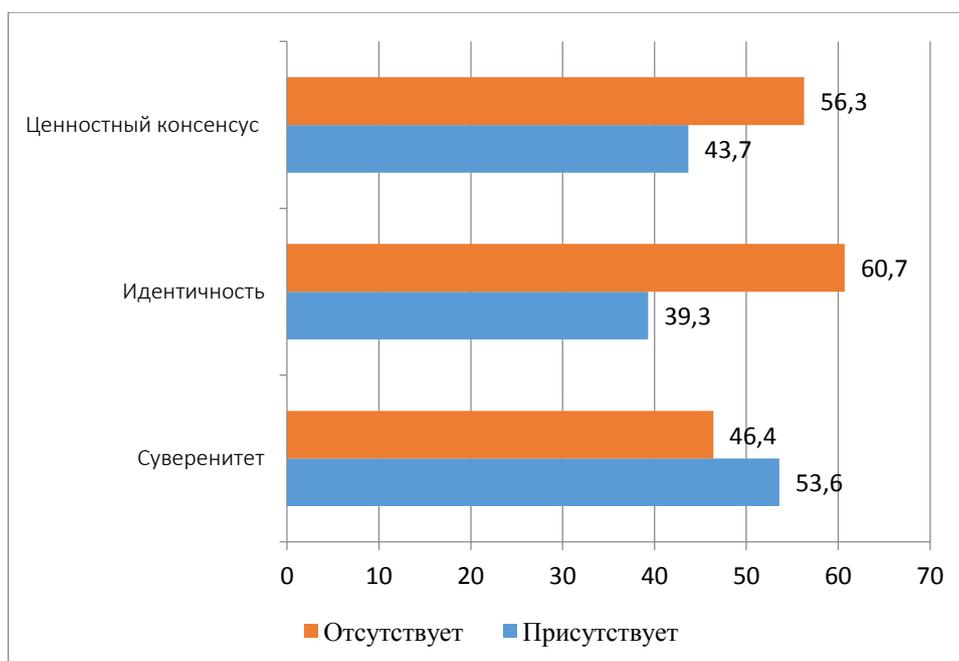

Рисунок 2 – Представленность в консолидирующих потоках маркеров ценностного консенсуса, общей идентичности и суверенитета как базовой ценности нации, %

Figure 2 – Representation in consolidating flows of markers of value consensus, common identity and sovereignty as the basic value of the nation, %

Согласно данным рис. 2 доминирующим стимулом солидаризации служит указание на абсолютную ценность сохранения и укрепления суверенитета – 53,6 %; направленность на формирование базового ценностного консенсуса репрезентирована в 43,7 % постов; почти такая же доля материалов солидаризации делает акцент на формировании и укреплении общенациональной гражданской и государственной идентичности – 39,3 %.

Стоит отметить, что в информационных потоках солидаризации есть довольно весомый потенциал усиления всех перечисленных оснований укрепления социального единства и согласия, требуется еще более заметное продвижение ценностей суверенитета, позитивной национально-государственной идентичности и ценностного консенсуса в потоках социальных медиа Рунета.

Сопоставим акторов консолидирующих и деконсолидирующих потоков, то есть объектов сообщения (см. рис. 3).

Рисунок 3 – Соотношение акторов в консолидирующем и деконсолидирующем потоках, %

Figure 3 – Ratio of actors in consolidating and deconsolidating flows, %

По данным рисунка 3, деконсолидирующие потоки втрое чаще, чем консолидирующие, не содержат упоминания конкретного объекта (персоны, организации, общности), таким образом, более четверти (25,6 %) документов десолидаризирующего характера коннотируют общую установку на негативное восприятие текущей реальности в российском обществе, осуждение взятого социумом курса и поставленных задач. Президент РФ как объект критики в деконсолидирующем потоке представлен почти в каждом пятом сообщении этого массива (21,3 %). Эта цифра имеет существенное сопряжение с содержанием информационных потоков западного онлайн-сетевое сегмента, в котором лидер российской нации, как правило, выступает «ответственным за повышение угроз безопасности в Европе и мире». Это лишь один из индикаторов содержательной связи деконсолидирующих потоков российского социально-медийного сегмента и западных информационных потоков, остальные будут проанализированы далее. Совокупно 37 % документов десолидаризирующего потока объектами критики, осуждения и обвинения представляют органы власти разных уровней и политических деятелей. Суммарно с первым упомянутым актором власть имущие должностные лица служат акторами почти

двух третей обследованных постов изучаемого потока (58,3 %). Это указывает на то, что лидеры общественного мнения десолидаризирующей направленности делают ставку на попытки делегитимизации власти, подрыва доверия к представителям органов власти и первым лицам государства. Наряду с установками, содержащими обвинения в адрес власти, в деконсолидирующих потоках заметно присутствие негативных оценочных суждений в отношении россиян как нации (12 %) – см. рис. 3. Исходя из этого, чаще чем каждое десятое сообщение десолидаризирующего характера направлено на формирование негативного восприятия национальных качеств, национального менталитета и места нации в мире. Это значение анализируемой переменной – еще один маркер сопряжения потоков десолидаризации с содержанием информационных потоков о России западного медиасегмента.

Напротив, в консолидирующем потоке россияне как нация служат доминирующим актором (в 20,6 % случаев). Таким образом, чаще чем каждое пятое сообщение солидаризирующего потока делает акцент на позитивных качествах российской нации, ее особой роли в сохранении мира и безопасности, достижении социальной справедливости и борьбы с однополярным мироустройством (см. рис. 3).

Интересен тот факт, что в консолидирующем потоке заметным актором выступают Вооруженные Силы РФ (7,9 %), при этом в деконсолидирующем массиве данный актор не фигурирует (поэтому не представлен на рис. 3).

Совершенно различаются по сути, содержанию и механизмам воздействия технологии формирования мнений в консолидирующих и деконсолидирующих потоках.

В табл. 1 показаны приемы, ориентированные на достижение социальной солидарности.

В соответствии с данными табл. 1 ведущим приемом солидаризации служит мобилизация добровольческой активности, волонтерства, реализация значимых социальных проектов (21,8 % сообщений). Заметно использование такого приема, как акцент на устойчивости Российского государства, его стабильности (14,3 %). Также довольно часто применяется прием констатации позитивных результатов развития российской нации в различных сферах жизни (12,3 %). Эти приемы довольно продуктивны для закрепления позитивной национально-государственной идентичности как значимого компонента и фактора солидаризации нации.

Прием, состоящий в сплочении посредством формирования образа внешнего врага, – противопоставление западным государствам – используется в 10,7 % изученного массива документов данного потока.

Таблица 1 – Приемы солидаризации в обследованном массиве
Table 1 – Techniques of solidarity in the surveyed area

Приемы солидаризации	Доля, %
Мобилизация позитивной исторической памяти	6,7
Констатация позитивных результатов развития нации в различных сферах жизни	12,3
Общие праздники, памятные даты	7,1
Сравнение «было – стало»	4,4
Описание событий, произошедших за рубежом, указывающих на рост российского влияния в мире	2,8
Устойчивость Российского государства, стабильность	14,3
Противопоставление западным государствам	10,7
Добровольчество, волонтерство, спорт, проектная деятельность, совместная активность	21,8
Иное	19,8
Итого	100,0

Таким образом, совокупно две трети материалов солидаризации (69,4 %) ориентированы на позитивные стимулы солидаризации, предполагающие положительные основы социального единства и согласия: общность истории, культуры; единство задач социального развития и конвенциональной гражданской активности.

Деконсолидирующие потоки содержат разнообразные приемы манипуляции общественным сознанием (см. табл. 2). Лидером среди них является прием негативизации.

Примером применения этого приема может быть придание отрицательного смысла любым инициативам органов власти и должностных лиц, поиск в этих решениях и действиях негативных значений: личной выгоды власть имущих, ущемление гражданских прав и свобод, усиление рисков общественной безопасности и т. д.

Манипулирование общественным сознанием с целью десолидари-

зации зачастую происходит посредством приемов мозаичности подачи информации (12,6 %) и ассоциативной цепочки (12,3 %). Эти приемы нацелены на выгодную для смещения акцентов стратегию подачи информации и представления в определенном контексте текущей ситуации в стране.

Таблица 2 – Приемы десолидаризации (манипуляции общественным мнением)

Table 2 – Techniques of desolidarization (manipulation of public opinion)

Приемы	Доля, %
Подмена понятий	5,0
Мозаичность подачи информации	12,6
Осмеяние символа	6,0
Негативизация	20,6
Примитивизация	8,3
Ассоциативная цепочка	12,3
Паразитирование	6,6
Использование мифов	2,7
Обобщение	3,7
Тенденциозный подбор информации	8,6
Искажение сказанного оппонентом	4,3
Не используется	9,3
Итого	100,0

Манипуляция мнением происходит в этих случаях за счет изъятия нужных акцентов и выстраивания из этих фрагментарных аспектов фальшивой, сконструированной картины тех или иных событий. К примеру, в этом сегменте сообщений СВО может репрезентироваться исключительно с позиций усиления международной напряженности, при этом задачи защиты русскоязычного населения от украинской агрессии в течение более восьми лет будут оставаться в таких материалах за скобками.

Следующая переменная дает представление о соотношении рационального и иррационального в воздействии на общественное мнение в потоках солидаризации и десолидаризации (рис. 4).

Согласно данным рисунка 4 цифровые акторы, направленные на десолидаризацию российского общества, ориентируются чаще всего на эмоциональное, аффективное воздействие (в 56,1 % случаев).

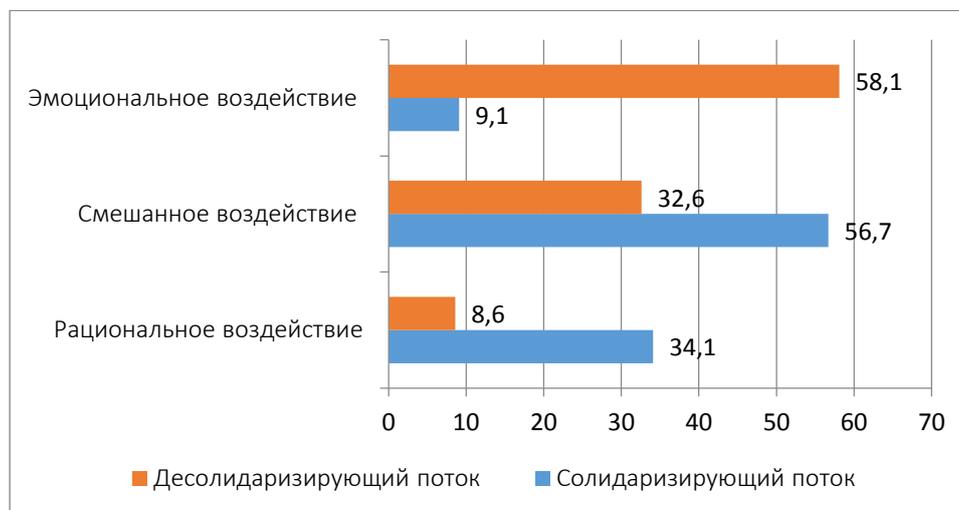

Рисунок 4 – Соотношение рационального и иррационального в воздействии на общественное мнение в потоках солидаризации и десолидаризации, %

Figure 4 – Ratio of rational and irrational in the impact on public opinion in the flows of solidarization and desolidarization, %

Это говорит о том, что деконсолидирующие потоки ориентированы на «выключение», оставление за скобками рациональной аргументации в обсуждении текущего курса страны, их задачей является мобилизация иррационального реагирования чаще всего через ценностное подчинение. В этом случае объективные причины того или иного решения, действия замалчиваются, а на передний план выносятся аффект. Примером может служить такой десолидаризирующий прием, как эмоциональное описание жертв военных действий на украино-российской границе. Рациональное обсуждение того, какие силы в действительности и объективно были инициаторами данного конфликта нивелируется и опускается, зато фокусировка происходит на аффективно ярких и эмоционально затрагивающих дескриптивах последствий военных операций.

Продолжая анализ технологических характеристик десолидаризирующего потока, отметим, что более половины изученных материалов данного массива содержат прямую, лобовую, радикальную критику или осуждение актора сообщения, подачу ново-

сти/события в контексте, подразумевающим негативную оценку действий актора сообщения (суммарно 52,8 %), которым, как было ранее замечено, чаще всего выступают органы власти и должностные лица. В 16,9 % случаев в процессе критики актора сообщения используется ирония. Все перечисленные приемы работают на подрыв доверия власти и десолидаризацию на базе отказа в поддержке текущего курса страны.

Особо отметим, что деконсолидирующие цифровые функционеры в двух третях сообщений (71,1 %) применяют неполитический контекст критики, осуждения и недовольства, то есть эксплуатируют ситуацию социального недовольства, общественных уязвимостей части российского общества для мобилизации социального раскола.

Важным параметром когнитивного картирования консолидирующих и деконсолидирующих потоков служит целевая аудитория, на которую направлено информационное воздействие (см. рис. 5).

Согласно данным рисунка 5 как для солидаризирующего, так и для десолидаризирующего потока характерна весьма распространенная в социально-медийном менеджменте проблема отсутствия таргетирования, отсутствие ориентации сообщения на конкретную социальную группу (около половины всех документов обоих потоков без адресации – см. рис. 5). Вместе с тем потоки десолидаризации в значительной степени нацелены на социально незащищенные группы, и их генераторы осуществляют попытки эксплуатировать социальную депривацию и осязаемые болевые зоны этих общностей (см. рис. 5).

Тревожным симптомом служит тот факт, что создатели солидаризирующего контента не в полной мере отработывают эти социально уязвимые группы населения, которые в условиях отсутствия альтернативных потоков могут поддаться воздействию десолидаризирующего контента. Особое внимание в ходе создания солидаризирующего потока необходимо обратить на такие целевые группы, как жители регионов РФ, на территории которых ведутся военные действия, приграничные с Украиной регионы, малоимущие (пенсионеры, безработные, прочие социально уязвимые категории населения), спортсмены и аудитория спортивных состязаний, национальные, религиозные и иные меньшинства.

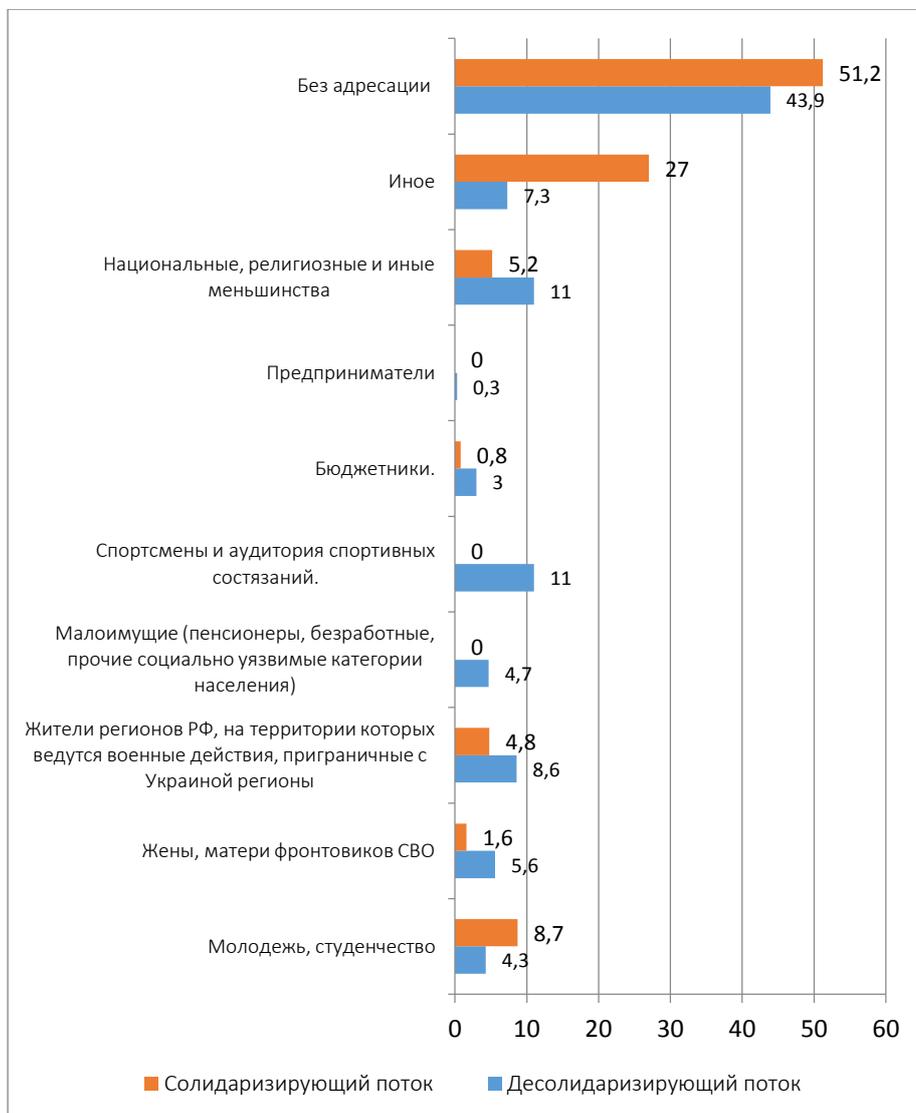

Рисунок 5 – Целевая группа (адресация) информационных потоков, %

Figure 5 – Target group (addressing) of information flows, %

Во многом адресация подчиняется триггеру, используемому в материале. На рис. 6 представлены доли применения разных триггеров в потоках солидаризации и десолидаризации.

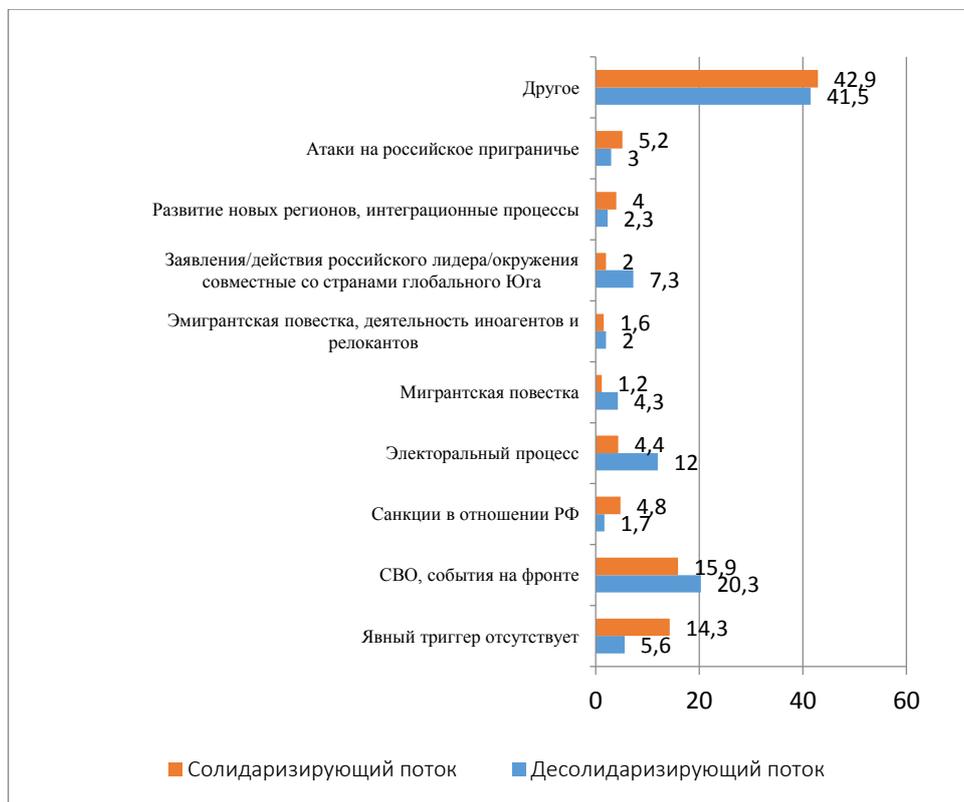

Рисунок 6 – Соотношение используемых триггеров в информационных потоках, %

Figure 6 – Ratio of triggers used in information flows, %

В соответствии с результатами исследования и данными рисунка 6 большая часть обследованных документов диверсифицирована на крайне статистически малые группы, в которых используются разнообразные события как триггеры. В числе тех триггеров, применение которых имеет статистическую значимость, – специальная военная операция и события на фронте (20,3 % в консолидирующем массиве и 15,9 % в потоке десолидаризации). Заметным является применение в потоке десолидаризации триггеров электорального процесса (12,0 %) и заявления/действия российского лидера/окружения, совместные со странами глобального Юга (7,3 %). В условиях отсутствия альтернативной, официальной точки зрения в социальных медиа, репрезентированной неформальными приемами, для пользовательской аудитории будет более влиятельна пози-

ция, коннотируемая десолидаризирующими потоками. Исходя из этого, требуется более интенсивное освещение и комментирование в конвенциональном и конструктивном ключе таких событий, как военная помощь Украине со стороны третьих стран, санкции в отношении РФ, обсуждение потенциальных мирных переговоров, электоральный процесс, мигрантская повестка, эмигрантская повестка, деятельность иноагентов и релокантов, обсуждение потенциального возвращения смертной казни, развитие новых регионов, интеграционные процессы, атаки на российское приграничье.

Показателями продуктивности информационных потоков являются наличие в них прямых указаний к действиям и инструктивность посылы. На рис. 7 и 8 показано доленое соотношение мобилизационных и пассивных, инструктивных и неинструктивных сообщений в консолидирующих и деконсолидирующих потоках.

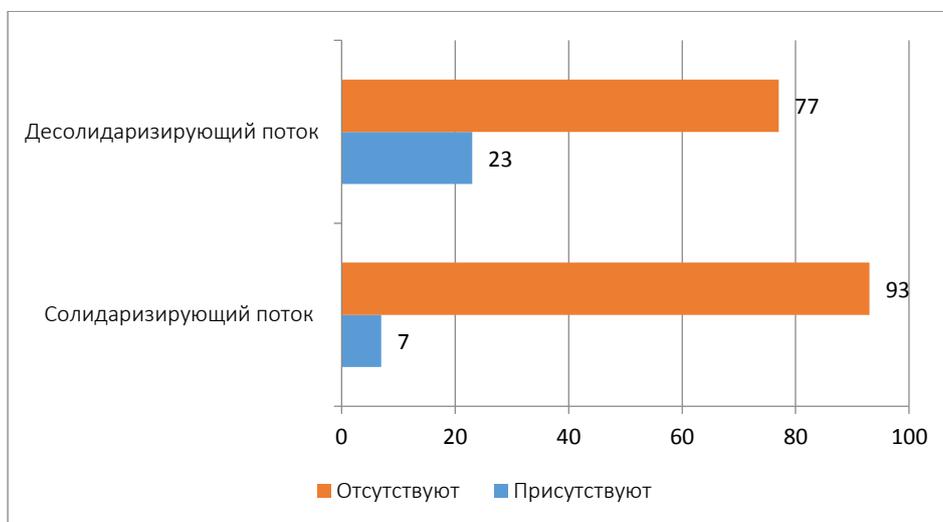

Рисунок 7 – Наличие/отсутствие прямых указаний к действиям в информационных потоках (мобилизационный потенциал), %

Figure 7 – Presence/absence of direct instructions for actions in information flows (mobilization potential), %

Данные рис. 7 показывают более высокий мобилизационный потенциал потока десолидаризации, то есть лидеры общественного мнения десолидаризирующего толка применяют приемы стимулирования к действиям существенно более активно, чем авторы потоков солидаризации.

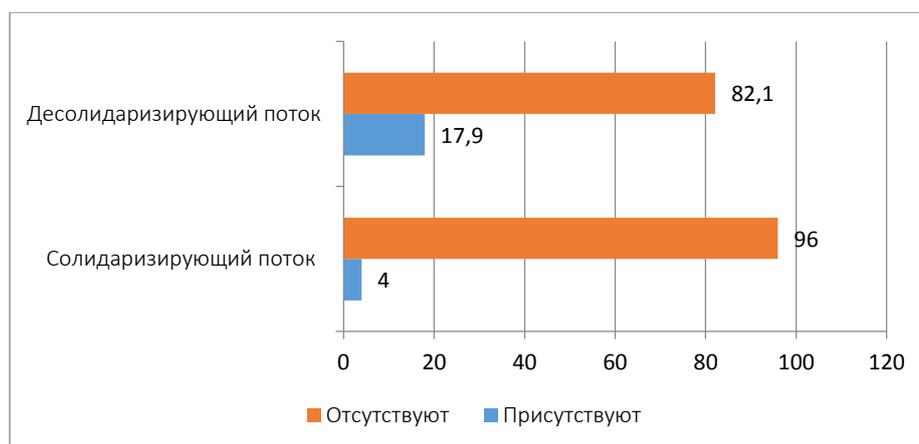

Рисунок 8 – Присутствие/отсутствие инструктивности сообщения в информационных потоках, %

Figure 8 – Presence/absence of instructional messages in information flows, %

Похожая ситуация с инструктивностью сообщений. Деконсолидирующие потоки вчетверо более интенсивно применяют указания, шаблоны действий, что может влиять на конверсию онлайн-установок в офлайновую среду, предопределять риски десолидаризации в обоих измерениях жизнеосуществления граждан. Исходя из этого, требуется усиление мобилизационного влияния и инструктивности в потоках солидаризации.

Наиболее популярными и влиятельными социальными медиа солидаризирующего толка служат блоги/каналы российских журналистов (их 33,3 % в составе наиболее весомых сетевых онлайн-ресурсов), блоги/каналы российских политиков (23,8 %) и иных центров общественного мнения (медиа), в том числе СМИ (35,7 %).

Среди создателей наиболее влиятельных потоков десолидаризирующего характера преобладают оппозиционные сообщества (58,1 %) и зарубежные лидеры и центры общественного мнения – их 35,2 % в числе наиболее популярных ресурсов.

На основании проведенного исследования баз данных когнитивного картирования информационных потоков посредством осевого, кросс-табуляционного и корреляционного анализа построены когнитивные карты консолидационного и деконсолидационного потоков (см. рис. 9 и рис. 10).

Рисунок 9 – Когнитивная карта консолидационного потока
Figure 9 – Cognitive map of consolidation flow

Рисунок 10 – Когнитивная карта деконсолидационного потока
Figure 10 – Cognitive map of deconsolidation flow

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя итоги построения когнитивных карт потоков консолидации и деконсолидации, следует перечислить следующие положения:

- деконсолидирующие потоки обладают значительным потенциалом влияния благодаря более эмоциональному и манипулятивному воздействию в сравнении с потоками солидаризации;

- информационные потоки, направленные на деконсолидацию, эксплуатируют еще не решенные проблемы социальной депривации некоторых уязвимых общностей, формируют в их сознании убежденность в ответственности власти за их социальное положение, создают установку на восприятие представителей органов власти как врагов рядовых граждан, что служит фактором социального раскола;

- деконсолидационные потоки интенсивно используют одновременно несколько влиятельных дискурсов, активно разыгрывая карты межнационального, межрелигиозного, межпоколенческого раскола в обществе, а также ряд контекстов региональной сецессии (необходимость «деколонизации» России, «депортации народов, населения отдельных регионов», «репрессий, политических ограничений народов, населения отдельных регионов», важность «достижения языковой, религиозной, культурной автономии регионов, «несправедливость экономических ограничений и дефицитов субъектов относительно федерального центра»);

- при создании консолидационных потоков необходимо активнее использовать такие основания солидаризации, как общность языка, традиционных религий, единство многовековой истории, общность судьбы, исторической памяти, культуры, значимость объединения усилий, совместных действий, гражданского участия в процессе достижения поставленных перед обществом задач в условиях текущих глобальных вызовов, а также усиливать эмоциональные приемы убеждения и воздействия на национальную пользовательскую аудиторию.

Библиография:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е.Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

2. Брега А. В. Анализ условий и факторов социально-политической устойчивости современного российского государства / А. В. Брега, Д. Д. Осинина // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – Т. 12, № 5. – С. 88–96. – DOI 10.26794/2226-7867-2022-

12-5-88-96. – EDN TIDKTW.

3. Гузаа Л.В. Концептуальная разработанность категории «политическое единство» на современном этапе: обзор и анализ историографии // Власть. – 2021. – № 4. – С. 172–179. – DOI 10.31171/vlast.v29i4.8401. – EDN CKDIGA.

4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие Л. Б. Гофмана. – М.: Наука, 1990. – 575 с.

5. Ильичева Л.Е., Рогачев С.В. Риски и вызовы социальной консолидации российского общества в условиях цивилизационной трансформации // Власть. – 2022. – Том 30. – № 5. – С. 88–97. – DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i5.9243>. – EDN AHVYMN.

6. Кармова М.Р., Максимова О.И. Межкультурная коммуникация: путь к солидарности между этническими сообществами // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – Т. 12. – № 3. – С. 30–35. – DOI 10.26794/2226-7867-2022-12-3-30-35. – EDN HBCULR.

7. Кармова М.Р., Максимова О.И. Феномен коммуникативной солидарности и коммуникативного конфликта в социальных медиа // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023 – Т. 13. – № 1. – С. 122–127. – DOI 10.26794/2226-7867-2023-13-1-122-127. – EDN NSOXMY.

8. Кучинов А.М. Общее благо в контексте солидаризации при военных процессах // Власть. – 2023. – Том 31. – № 4. – С. 115–120. – DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9699> – EDN HZWRKL.

9. Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Социальная солидарность в установках и практиках населения // Власть. – 2016. – Том 24. – № 4. – С. 94–99. – EDN VVNHVV.

10. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. – 1993. – № 2. – С. 94–122.

11. Сартори Дж. Управляемая демократия и управляющая демократия // Мир политики. Суждения и оценки западных политологов. – М., 1992. – С. 122–127.

12. Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 644 с.

13. Deutsch K.W. Social mobilization and political development // American political science rev. – Wash., 1961. – Vol. 55, N 3. – P. 493–514.

14. Heckathorn D.D. Extensions of the prisoner's dilemma paradigm: The altruist's dilemma and group solidarity // Sociological Theory. – 1991. – № 9 (1). – P. 34–52.

15. Lenz J., Fernandez R., Quirland Lazo C. The John Kingdon's "Policy streams" approach: a conceptual framework for understanding a risk sharing agreement pilot design by first time in Chile. *Value in Health*. – 2016 – Vol. 19. DOI: 10.1016/j.jval.2016.03.859.

16. Sorokin P.A. The Ways and Power of Love: Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation. Templeton Press, 2002. – 584 p.

References:

1. Berger, P., Lukman, T. (1995) Social design of reality. Treatise on the sociology of knowledge. Tr. E.D. Rutkevich. – M.: Medium, 323 p. (In Russ.)

2. Brega, A.V., Osinina, D.D. (2022) Analysis of conditions and factors of socio-political stability of the modern Russian state. *Humanities and Social Science. Bulletin of the Financial University*. T. 22. no. 5. – DOI 10.26794/2226-7867-2022-12-5-88-96. – EDN TIDKTW. (In Russ.)

3. Guazaa, L. V. (2021) Conceptual elaboration of the category "political unity" at the present stage: review and analysis of historiography. *Vlast'*.no.4, p.172-179. – DOI 10.31171/vlast.v29i4.8401. – EDN CKDIGA. (In Russ.)

4. Deutsch, K.W. (1961) Social mobilization and political development. *American political science rev. Wash.*, Vol. 55, N 3, P. 493–514.

5. Durkheim, E. (1990) On the division of social labor. Method of sociology / Transl. from fr. and afterword by L.B. Hoffman. – M.: Nauka, 575 p. (In Russ.)

6. Ilyicheva, L. E., Rogachev, S. V. (2022) Risks and calls for social consolidation of Russian society in the conditions of civilizational transformation. *Vlast'*. Volume 30. no. 5, p. 88-97. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i5.9243> – EDN AHVYMN. (In Russ.)

7. Karmova, M. R., Maksimova. O. I. (2022) Intercultural communication: the path to solidarity between ethnic communities. *Humanities and Social Science. Bulletin of the Financial University*. T. 12. no. 3, P. 30-35. DOI 10.26794/2226-7867-2022-12-3-30-35. – EDN HBCULR. (In Russ.)

8. Karmova, M. R., Maksimova, O. I. (2023) The phenomenon of communicative solidarity and communicative conflict in social media. *Humanities and Social Science. Bulletin of the Financial University*. T. 13. no. 1, p. 122-127. – DOI 10.26794/2226-7867-2023-13-1-122-127. – EDN NSOXMY. (In Russ.)

9. Kuchinov, A. M. (2023) The common good in several solidarizations during military processes. *Vlast'*. Volume 31. no. 4, pp. 115-120. DOI:

<https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9699>. – EDN HZWRKL. (In Russ.)

10. Lenz, J., Fernandez, R., Quirland, Lazo C. (2016) The John Kingdon's "Policy streams" approach: a conceptual framework for understanding a risk sharing agreement pilot design by first time in Chile. *Value in Health*. Vol. 19. DOI: 10.1016/j.jval.2016.03.859

11. Reutov, E.V., Reutova, M.N., Shavyrina, I.V. (2016) Social solidarity in attitudes and labor practices. *Vlast'*. Vol. 24, no. 4. P. 94-99. – EDN VVNHVV. (In Russ.)

12. Parsons, T. (1993) The concept of the components of society and their approval. *THESIS*. no. 2, P. 94-122. (In Russ.)

13. Hayek, F.A. (2006) Law, legislation and freedom: modern understanding of liberal laws and policies. M.: IDISES. 644 p. (In Russ.)

14. Hekatorn, D.D. (1991) Extensions of the prisoner's dilemma paradigm: the altruist's dilemma and group solidarity. *Sociological theory*. no. 9 (1), P. 34-52.

15. Sartori, G. (1992) Upravliaemaia demokratiia i upravliaiushchaia demokratiia [Manageable democracy and managing democracy]. *Mir politiki. Suzhdeniia i otsenki zapadnykh politologov* [World of politics: judgment and estimation of the western political scientists]. – M. – P. 122– 127 (In Russ.)

16. Sorokin, P.A. (2002) The ways and power of love: types, factors and methods of moral transformation. Templeton Press, 584 p.

© Домбровская А.Ю., Бродовская Е.В., 2024

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равнозначный вклад в проведение исследования и написание статьи.

The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: all authors made an equal contribution to the research and writing of the article.

Поступила в редакцию (Received) 12.03.2024.

Поступила после рецензирования (Revised) 19.06.2024.

Принята к публикации (Accepted) 28.06.2024.